

человек напутствуется, снабжается на путь, в дороге», объясняет В.И. Даль [7, т. 2, с. 457]. Иными словами, читая словарь, возникает ощущение движения во времени, так называемой «линейной» время, которое подготавливается также «ходными речениями», т.е. послоглицими и поговорами.

Таким образом, не затрагивая всех глубинных вопросов поэтики Словаря В.И. Даля, а основываясь на сопоставительном анализе его художественного потенциала с академическим

первоисточником всей русской лексикографии в рамках соответствующих эстетических парадигм, можно сделать вывод о том, что «Толковый словарь живого великорусского языка», в отличие от «Словаря Академии Российской», следует считать фактом творческой деятельности и допустить саму возможность рассматривать данный текст с позиций литературоведческого анализа художественного произведения.

Библиографический список

1. Лещинер, В.Л. Феноменология художественного (трансцендентальные основания художественного опыта): дис. ... канд. филос. наук. – Самара, 1998.
2. Байрамкулова, А.И. Метапоэтика и металингвистика «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как толковательно-диалогического феномена: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2008.
3. Фархутдинова, Ф.Ф. Лингвокультурологическая диалогия В.И. Даля в парадигме идей и направлений современной русистики: дис. ... д-ра филос. наук. – Иваново, 2001.
4. Труды Я.К. Грота. Из скандинавского и финского мира (1839-1881). Очерки и переводы / Я.К. Грот. – СПб., 1898. – Т. 1.
5. Путилина, С.В. В.И. Даль как литератор: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008.
6. Попова, Н.В. Автоскоп отступления в Словаре В.И. Даля // Русская речь. – 1998. – № 6.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб., 1998.
8. Croce Benedetto. The brevity of aesthetic. – The Rice Institute Pamphlet 11, 1995, N 4, p. 223. Цит. по: а Prague School Reader on aesthetics. – Literary Structure and Style. Washington, 1995.
9. Федоров, В. О природе поэтической реальности: монография. – М., 1984.
10. Давыденко, М.В. Художественность как многоаспективный феномен в трудах отечественных философов конца XIX-середины XX века в контексте современной художественной практики: дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2006.
11. Топо, В.И. Парадигмы художественности (конспект цикла лекций) [Э/р]. – Р/д: <http://www.nsu.ru/education/virtual/discours223.htm>
12. Аверинская, С.С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1981.
13. Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб., 1789-1794.
14. Байрамкулова, А.И. «Новейший словарь» братьев Я. и В. Гримм (Deutsches Wörterbuch) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля: единичные лексикографические приоритеты [Э/р]. – Р/д: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ConfId=119&action=viewerportal>
15. Красушкина, А.В. Художественное единство «человек-вещь» в сборнике «Физиология Петербурга» (становление поэтики натуральной школы): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Челябинск, 2008.

Bibliography

1. Leshchiner, V.L. Fenomenologiya khudozhestvennogo (transcendentálneho osnovaniya khudozhestvennogo opyta): dis. ... kand. filoz. nauk. – Samara, 1998.
2. Bayramkulova, A.I. Meta-poetika i metalingvistika «Tolkovogo slovariya zhivogo velikorusskogo yazyka» V.I. Dalia kak tolkovatelno-dialogicheskogo fenomena: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol, 2008.
3. Farhutdinova, F.F. Lingvokulturologicheskaya dialogiya V.I. Dalia v paradigmatse idey i napravleniy sovremennoy rusistiki: dis. ... d-ra filol. nauk. – Ivanovo, 2001.
4. Trudy Ya.K. Grot. Iz skandinavskogo i finskogo mira (1839-1881). Ocherki i perevody: / Ya.K. Grot. – SPb., 1898. – T. 1.
5. Putilina, S.V. V.I. Dal' kak literator: avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk. – M., 2008.
6. Popova, N.V. Avtoskop otstupleniya v Slovar'e V.I. Dalia // Russkaya rech'. – 1998. – № 6.
7. Dal', V.I. Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. – SPb., 1998.
8. Croce Benedetto. The brevity of aesthetic: – The Rice Institute Pamphlet 11, 1995, N 4, p. 223. Cit. po: a Prague School Reader on aesthetics. – Literary Structure and Style. Washington, 1995.
9. Fedorov, V. O prirode poezicheskoy realnosti: monografiya. – M., 1984.
10. Davydenko, M.V. Khudozhestvennost' kak mnogostoronniy fenomen v trudakh otechestvennykh filosofov konca XIX-serediny XX veka v kontekste sovremennoy khudozhestvennoy praktiki: dis. ... kand. filoz. nauk. – Barnaul, 2006.
11. Tupo, V.I. Paradigmy khudozhestvennosti (konpekt tsikla lektsiy) [E/ri]. – R/d: <http://www.nsu.ru/education/virtual/discours223.htm>
12. Averinskaya, S.S. Poetika drevnerusskoy literatury. – M., 1981.
13. Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 t. – SPb., 1789-1794.
14. Bayramkulova, A.I. «Noveyshi slovar'» brat'ev Ya. i V. Grimm (Deutsches worterbuch) i «Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka» V.I. Dalia: ediniche leksikograficheskie prioritety [E/ri]. – R/d: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ConfId=119&action=viewerportal>
15. Krasushkina, A.V. Khudozhestvennoe edinstvo «chelovek-vesh'» v sbornike «Fiziologiya Peterburga» (stanovlenie poezhiki na

Статья поступила в редакцию 25.02.2012

УДК 811.11

Osokina N.Y. STUDIES IN GRAMMATICAL METAPHOR IN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES (SIMILARITIES AND DIFFERENCES). Grammatical metaphor reflects cultural differences in both English speaking and Russian speaking communities. The same covert categories may provide grammatical metaphors of different degree of expressiveness in the Russian and the English languages.

Key words: grammatical metaphor, intentional semantic shift, covert categories, cultural peculiarities.

N.Y.O. Осокина, канд. филос. наук, Санкт-Петербургский гос. университет, E-mail: osnata@inbox.ru

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Этнокультурные особенности англоговорящего и русскоговорящего сообществ могут находить свое отражение в грамматической метафоре. Экспрессивность грамматических метафор на основе одних и тех же скрытых категорий в русском и английском языках может заметно различаться.

Ключевые слова: грамматическая метафора, интенциональный семантический сдвиг, скрытые категории, этнокультурные особенности.

Целью данной публикации является рассмотрение этнокультурных особенностей англоговорящего и русскоговорящего сообществ на примерах грамматической метафоры. В последнее время интерес к вопросам того, как мировосприятие, менталитет народа отражается в языке, привлек к появлению целого ряда работ, посвященных описанию ключевых – культуроспецифических – слов различных языков [1], сравнению языкового отражения концептов в различных языках [2]. Как отмечают исследователи, наиболее ярко особенности языковой картины мира проявляются в лексике, а анализ и сопоставление ключевых слов различных культур может убедительно показать культурные сходства и различия. Вместе с тем, не вызывает сомнения то, что этнокультурные особенности проявляются и в грамматике, поскольку культурные особенности, особенности менталитета не могут не влиять на то, как происходит оформление мысли, т.е. на грамматической строй языка [3, с. 7]. Действительно, отмечая особое место лексической семантики для анализа культуры, А. Вежбицкая среди универсальных элементарных смыслов – фундаментальных человеческих концептов – называет не только семантические элементы, такие как атрибуты *хороший, плохой* и т.д. или кванторы *один, два, несколько* и т.д., но и элементные структуры: логические концепты *не может, мочь, потому что* и т.д., интенсификаторы *очень, больше*, категории пространства и времени [1, с. 13-14; 52-53]. В своей работе «Язык. Культура. Познание» А. Вежбицкая выделяет следующий ряд особенностей русского национального характера, понятия, определяющие «смысловую универсальность» русского языка и показывая, как синтаксические конструкции языка отражают способы мышления народа, особенности его менталитета: так, например, она отмечает большое количество разнообразных безличных конструкций в русском синтаксисе, которые отражают свойство русской культурной традиции рассматривать мир как совокупность случайных, необъяснимых и неподдающихся контролю событий; в английском же языке, по ее мнению, особое значение имеет выражение каузальных отношений и различных стратегий отношений между людьми, что реализуется, в частности, во взаимосвязи каузы и воспользования [4, с. 70-75].

К числу особенностей русского национального характера, А. Вежбицкая относит также признаки, как эмоциональность, «иррациональность» (непостижимость и непредсказуемость жизни), неагентность, любовь к морали [4, с. 33-34].

О том, как этнокультурные особенности могут находить свое выражение в отдельных грамматических явлениях, писали В.И. Карасин [5], И.Ю. Колесов [6, с. 3-12], С.Г. Тер-Минасова [7, с. 151-160] и др. Л.А. Козлова в своей монографии «Этнокультурный потенциал грамматического строя современного английского языка и его реализации в грамматике говорящего» рассматривает ряд особенностей грамматического строя английского языка как следствие этнокультурных особенностей англоязычного общества. Так, например, Л.А. Козлова полагает, что одно из различий русской и англоязычной культуры заключается в том, что в русском языке основной моделью предложения является модель с глаголом бытия, в то время как в английском языке доминирующей моделью является модель предложения с глаголом обладания, что, в свою очередь, определяет то, как моделируется микро- и макромир англоговорящего и русскоговорящего человека [8, с. 126-127].

В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые случаи грамматической метафоры в английском и русском языках, которые, на наш взгляд, также могут отражать этнокультурную специфику русскоговорящего и англоговорящего сообществ. Под грамматической метафорой нами понимается интенсиональный семантический сдвиг, в результате которого происходит намеренное использование одной грамматической формы в функции другой с целью создания образности [9]. В качестве примера можно привести следующие предложения, где происходит перенос *адъективная качественность / адвербиальная качественность*:

Bourani seemed greenly remote from all that : so far, and yet so near... (J. Fowles) [10, с. 93].

К роке он [арок] стекал широко, зелено, уплыл у реки тапталпыс, весело, бесполоково, тесно... (Г.Н. Щербатова) [11, с. 388].

И в английском, и в русском примерах происходит интенсиональный семантический сдвиг: абстрактность *greenly/зелено*, на семантическом уровне являющаяся признаками предмета – местности, соответственно острова – Bourani и города, ср.: *Green*

*Bourani seemed remote... / Bourani seemed green and remote; Зелёный арок стал широко... формально к ним не относятся. Обстоятельство *greenly* является признаком признака, выраженного прилагательным *remote*, а обстоятельством *зелено* становится признаком действия, выраженного глаголом *стекал*. В результате интенсионального семантического сдвига создается яркий зрительный образ, передается непосредственность восприятия персонажа. В приведенной грамматической метафоре налицо признаки, традиционно характеризующие лексическую метафору: образная дистанция (адъективная качественность – адвербиальная качественность), амбивалентность, возникающий новый смысл, многозначность.*

Изучение грамматической метафоры представляется, на наш взгляд, достаточно интересным для выявления этнокультурных особенностей языка. Анализ случаев интенсионального семантического сдвига может позволить увидеть те налагаемые языком ограничения, которые члены одного языкового сообщества могут нарушать для создания новых, дополнительных смыслов, в то время как для говорящих на другом языке нарушение этих ограничений является невозможным, табуированным. Рассматривая примеры грамматической метафоры в русском и английском языках, можно выделить категории, на основе которых возникает экспрессивные случаи интенсионального семантического сдвига и в том, и в другом языке, а также категории, на основе которых в одном языке случае интенсионального семантического сдвига резко и выразительно, в то время как в другом языке они привычны и естественны, и, наконец, категории, которые могут стать основой для интенсионального семантического сдвига только в одном из двух языков. Сопоставление примеров грамматической метафоры русского и английского языков, может позволить увидеть этнокультурные особенности этих языков, лежащие в основе сходств и различий случаев интенсионального семантического сдвига.

Говоря о специфике грамматической метафоры в английском и русском языках, можно выделить следующие виды соотношений:

1) интенсиональный семантический сдвиг происходит на основе *одних и тех же* категорий, при этом можно говорить о примерно одинаковой степени экспрессивности таких конструкций в английском и русском языках;

2) интенсиональный семантический сдвиг имеет место в одном языке, при этом в другом языке на основе этой же категории случаи интенсионального семантического сдвига не встречаются;

3) интенсиональный семантический сдвиг происходит на основе *одних и тех же* категорий, при этом в одном языке такие конструкции представляются экспрессивными, в другом же языке аналогичные конструкции удалены;

4) интенсиональный семантический сдвиг происходит на основе *категорий, присущих только данному языку*, таким образом, можно выделить примеры грамматических метафор, характерных для русского языка, и не имеющих аналогов в английском языке, и грамматических метафор, характерных именно для английского языка.

В данной работе мы рассмотрим эти типы соотношений английской и русской грамматической метафоры на основе следующих видов интенсионального семантического сдвига: *узкая временная локализованность* → *узкая временная локализованность, неконтролируемость действия* → *контролируемость действия, неградуальность* → *градуальность, признак лица* → *признак предмета/действия, невозможность обратного хода действия* → *обратимость действия, признак действия* → *категория состояния*.

Рассмотрим случаи интенсионального семантического сдвига *узкая временная локализованность / узкая временная локализованность*, который является примером первого типа соотношения грамматической метафоры в русском и английском языках:

1. *Интенсиональный семантический сдвиг на основе одних и тех же категорий с примерно одинаковой степенью экспрессивности.*

¹ О категории *временной локализованности* см. Т.Г. Акимов. Семантические признаки в сфере качественной абстрактности и функционалирование видо-временных форм английского глагола // Теория грамматического значения и лингвистические исследования. – Л.: Наука, 1984. – 279. С. 71-90. – С. 75-77.

I looked at him more closely. We finished collecting the pamphlets, I fell in love, and we went for a drink at the nearby pub (M. Alwood) [12, с. 165]

Вот я – сейчас свари пальмени, вечером подружусь с Мурой, потом немножко поговорю по телефону с мамой, Женей, Ирой, Ольгой и Аленой. Затем буду читать новый детектив Акуны... (Е.Коліна) [13, с. 55]

В приведенных примерах глаголы, называющие наступление эмоционального состояния *fall in love* и *подружусь*, используются в одном сочиненном ряду с глаголами конкретного физического действия как семантически одноплановые. В отличие от глаголов *collect*, *go*, *speak*, *talk*, эти глаголы выражают состояние, прикрепленное не к конкретной точке на линии времени или к непродолжительному отрезку времени, а к определенному временному плану. Действительно, состояния, передаваемые глаголами *fall in love* и *подружусь*, не могут быть настолько кратковременными, как действия, передаваемые глаголами *collect*, *go*, *speak*, *talk*, *love*, *talk*, они имеют неопределенный характер протекания; у них можно выделить начало названного в высказывании состояния, но они не предполагают четкий момент его завершения. Намеренное использование этих глаголов в центре глагола, называющих кратковременные, конкретные физические действия, характеризующиеся узкой конкретной временной локализованностью, приводит к появлению новых оттенков смысла: состояния *fall in love* и *подружусь* воспринимаются как простые, контролируемые, кратковременные действия, что придает высказываниям оттенок иронии. Этот интенсиональный семантический сдвиг основывается на оппозиции *физическое действие – психический акт*, представляющей более общую оппозицию предметных и событийных понятий, которая, как правило, и приводит к семантическому рассогласованию элементов высказывания, создает экспрессивность и выразительность [14, с. 147].

Первое неконтролируемое действие / контролируемое действие также может лежать в основе выразительных грамматических метафор как в русском, так и в английском языках. Рассмотрим подробнее этот вид интенсионального семантического сдвига.

О том, что противопоставление стативных и динамических признаков глаголов и прилагательных может лежать в основе грамматической метафоры неконтролируемости действия / контролируемости действия, говорит А.А. Маспеникова в работе «Особенности грамматической метафоры». В качестве примера она приводит структуры, в которых глагол *расти/grow* используется для выражения целенаправленного контролируемого действия, отмечая их время интенсиональный характер: *Natasha ушла к себе в комнату расти (Хармс); I remained the three-year-old, the gnome, the Tom Thumb, the pugny, the Lilliputian, whom no one could persuade to grow; I cling to my drum and from my third birthday on refused to grow by so much as a finger-breadth (Grass) [15, с. 29-30]*. Обратимся к примерам, где для названия контролируемых действий используются глаголы, называющие чувства или отношения, не зависящие от воли человека, ср.:

After all, obsession with one's appearance is embarrassing adolescent... I'm too busy to free up the time to hate myself (M. Keyes) [16, с. 124]

Муря обиделась, что мы с Романом вместо того, чтобы дружить с ней, закрылись на кухне и без нее упорно обсуждали состояние дел в ее семье (Е.Коліна) [17, с. 296]

Глаголы *to hate* и *дружить* называют эмоциональные состояния и отношения между людьми, которые нельзя инициировать в любой момент по воле человека, понятие контролируемости или цели для них нерелевантно. В приведенных примерах глаголы *to hate* и *дружить* используются не как глаголы состояния, а как глаголы, называющие конкретное действие, ср.: *to free up the time to make a phone call*, *вместо того, чтобы поговорить с ней и т.д.* В результате интенсионального семантического сдвига возникает дополнительные смыслы; в первом предложении у героини нет времени на то, чтобы вести себя как подросток, придавать большое значение какому-либо недостатку внешности, разглядывая себя в зеркале, сравнивать себя с некими эталонами красоты. Во втором предложении вместо того, чтобы дружить с ней означает общаться, разговаривать, разрешить принять участие в беседе. В обиход предложения интенсиональный семантический сдвиг создает легкий оттенок самиронии или доброй насмешки. Отметим, что в русском примере семантический сдвиг строится вокруг слова «дру-

жить», передающего одно из наиболее важных и значимых понятий в русской культуре [1, с. 102-143]. Отмечая значимость русского понятия «дружба», хорошо известно ироничное выражение «дружить против кого-либо», также отмеченное интенсиональным семантическим сдвигом контролируемости/неконтролируемости, (попытки действия, направленные против кого-либо, характеризуются намеренностью). В свою очередь, в материале английского языка нами были отмечены и другие случаи интенсионального семантического сдвига неконтролируемости – контролируемости с глаголом *to hate* для выражения контролируемого действия; в произведении Л. Валдберг «Дьявол носит Прада» / L. Weisberger «The Devil Wears Prada» *decided to hate him* и в популярном сериале «Секс в большом городе» *Don't hate me!* (аналогичные русские примеры нами не отмечены). Возможно, неадекватность подробных примеров для русского языка является свидетельством того, что, в русском языке очень распространен пассивно-экспериментальный способ представления эмоций, когда люди говорят о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими неконтролируемых; в то время как в английском языке пассивно-экспериментальный способ имеет гораздо более узкую сферу применения [4, с. 44]. Вместе с тем, можно предположить, что основой для интенсионального семантического сдвига в русском языке может стать понятие дружеских отношений.

Разделяя утверждение А. Вежбицкой, что в то время как в английском языке все жизненные события представляются как контролируемые и управляемые, а в русском языке зачастую действительный мир предстает как противостоятельный целеполаганию желанием и вопреки устремлениям или как, по крайней мере, независимый от них [4, с. 56, 70-71], можно предположить, что и в английском, и в русском языках категория контролируемости / неконтролируемости действия способна становиться основой иронии и выразительных случаев интенсионального семантического сдвига. Рассмотрим еще два примера этого вида грамматической метафоры:

Well, stop it! ... I don't want the truth anymore. What are you doing to me, Jerry?

'I'm doing nothing to you. I'm being your husband' [18, с. 178] (J. Upldite).

- Но все изменилось, не правда ли? Я вышла замуж, это мой муж...

Никольский поклонился, лопнул вперед, но ослепился, и Лита огнулась, и – равнулась, побоялась к нему.

- Я только скажу, – выдохнула она, – и только скажу об этом сразу же замужем. Я люблю вас [19, с. 312] (Коліна Е.)

В приведенных примерах использование стативного признака, выражающего состояние «быть замужем/женатым», как признака динамического становится основой грамматической метафоры, основанной на переносе неконтролируемости / контролируемости действия. Английский пример можно интерпретировать как *I'm trying to do what a good husband should do*, он строится по модели *You are being clever*, когда прилагательные, называющие постоянную внутреннюю характеристику лица (иппение) в сочетании с глаголом *to be* в форме *Continuous* начинают обозначать переходящий этого признака. В результате, именованное сказуемое в форме дительного вида приобретает значение «вести себя определенным образом». В отличие от прилагательных *wise*, *arrogant*, *wise* и т.д., обычно используемых в этой модели, существительное *husband* не имеет значения переходячности. Использование дительного вида глагола *to be* придает структуре выраженную эмоциональную окраску и подчеркивает, что герой именно в этой конкретной ситуации ведет себя так, как полагается мужу, хотя он сам признает, что идеальным мужем он не является. Во втором примере происходит аналогичное использование выражения «быть замужем», называющее постоянный признак – статус человека, в качестве признака, который можно моментально изменить по своему желанию. Этот пример интерпретируется как *Я сделала то, что не должна делать замужняя женщина – признаюсь вам в любви; в итоге после я буду снова вести себя как положено замужней женщине*.

Следующей категорией, привлекающей наше внимание, является категория *дружелюбия*. Рассмотрим случаи переноса *недружелюбия* → *дружелюбия*, которые представляют собой пример следующего соотношения русских и английских грамматических метафор.

2. **Интенциональный семантический сдвиг имеет место в одном языке, в другом языке аналогичный интенциональный семантический сдвиг не отмечается.**

Так, говоря о категории «замужество», «браки», отметим, что она находит разное отражение в грамматических метафорах английского и русского языков: в английском языке отмечается большее число примеров интенционального семантического сдвига *неадекватности* / *адекватности* со словом *married*: *She could have affairs with any of the more interesting but very married men she worked with...* (O. Goldsmith) [20, с. 26], при этом аналогичные структуры в русском языке не отмечены. Несмотря на то, что исследователями отмечается общая тенденция «качественного усиления понятий предмета и действия, в результате чего возникают структуры типа "он более специалист, чем ты, самый отпустившийся вид и т.д." [21, с. 213], можно предположить, что в сознании русскоговорящих категория «браки», «замужество» воспринимаются как нечто постоянное, что не может иметь оттенков и попутное, ср. высказывание «муж, он или есть, или нет». В то же время в английском языке в последнее время все чаще эти категории переосмысливаются, при этом браки воспринимаются как состояние, которое может измениться качественно. Примером такого непостоянного восприятия браков является следующий диалог героини из романа F. Neill *The Secret Life of a Stummy Mummy*.

'She's having an affair with a married man, I say.

'How married?' asks Yummy Mummy № 1.

'Marriage is a black-&-white issue, isn't it?' I say. 'There shouldn't be degrees'. But even as I'm saying it, I'm not sure that I agree with my own hypothesis...

'But for the record, one wife, four children, more than a decade of marriage,' I say [22, с. 135-136].

Подобная асимметрия наблюдается и в случае с категорией «смерть»: в английском языке отмечается немало примеров использования прилагательного *dead* в сочетании с наречием *very*.

It [the spider] was no bigger than the nail on her pinky finger, and it was very dead (St. King) [23, с. 87].

It is not possible to bring my dad back to life. I tried when I found him lying on the floor of his office - very dead, in fact - blue in the face, with an empty pill container by his side and an empty bottle of whiskey on the desk (C. Ahern) [24, с. 310].

Перенос признака *адекватности* в данных примерах создает дополнительный неграмматический смысл: в первом примере сочетание *very dead* передает реакцию героини, увидевшей, что сильно испугавший ее паук мертв, - это и чувство облегчения, и желание убедиться, что паук на самом деле мертв. Во втором примере интенциональный семантический сдвиг позволяет понять и шок, который переживает юная героиня, увидев тело отца, в результате которого, возможно, нарушается способность логического восприятия действительности, и осознание того, что отец действительно, на самом деле умер, и вместе с тем, возможно, ослеп передается горечь уже взрослой повествовательницы, осознающей насколько напрасными были ее попытки спасти отца, совершившего самоубийство.

Итак, в приведенных выше примерах происходит перенос признака *адекватности*, достигающей индивидуально-авторское переосмысление важных концептов, традиционно неземлемые понятия пересматриваются, начинают восприниматься как нечто неполноценное, переходящее, в ряде случаев они становятся объектом иронизирования, ставятся под сомнение. Отметим, что в русском языке данная тенденция, на наш взгляд не столь выражена. Практически не встречаются случаи транспозиции, когда речь идет о смерти (исключение - использование в программе радио Эхо Москвы «Радиодетали» 27.10.07 фразы «Он проползет ее и вскоре **окончательно** умрет»).

Перенос признака *адекватности* может быть примером следующего соотношения, грамматического метафора в английском и русском языках:

3. **Интенциональный семантический сдвиг имеет место и в русском, и в английском языках, но степень его экспрессивности различается.**

Интенциональный семантический сдвиг *адекватности* - *неадекватности* имеет место и на основе категории «национальность», при этом в результате интенционального семантического сдвига прилагательные, называющие национальность, начинают выражать качества, особенности характера, традиционно приписываемые той или иной национальности. В отличие

от случаев интенционального семантического сдвига *адекватности* - *неадекватности* на основе категорий «замужество», «смерть», случаи грамматической метафоры *адекватности* - *неадекватности*, основанные на категории «национальность», когда прилагательное, называющее национальность используется с наречиями *very*, *too*, *often*, местонаимением *такой*, встречаются и в русском и в английском языках, однако в русском языке эти конструкции менее частотны и, потому, более экспрессивны, в то время как в английском они сравнительно более usualны, ср. *very Indian* (E. Gilbert), *very English* (C. Bushnell), *so French* (M. Keyes), *too Jewish* (O. Goldsmith), *very American* (J. Uppike).

She was so dynamic, this woman, so Brazilian (E. Gilbert) [25, с. 351].

'You sleep' said Julio dangerously, 'with my woman.'
'Oh, he's so Latin, hahaha,' said Mum coquettishly (H. Fielding) [26, с. 302].

- **Защелка**граф зашло водой... А он был такой...

- **Такой?**

- **Такой немецкой** (Е. Колпа) [27, с. 162].

В английском примере усилитель *so* с прилагательным *Brazilian* используется, чтобы показать, что героиня обладала качествами, которые приписываются бразилианкам, в частности, динамичности, подвижности, активности. Во втором примере сочетание *so Latin* подчеркивает, что герой был крайне ревнив, как это свойственно латиноамериканцам. В русском примере прилагательное *немецкой* в сочетании с местоимением *такой* означает «очень высокого качества, надерный, отвечающий всем требованиям, отличающийся от аппаратов, произведенных в других странах».

Можно предположить, что процесс усиления понятий предмета и действия-состояния, при котором предметные и глагольные основы приобретают все более сложные качественные оттенки, происходит как в русском, так и в английском языках, однако такие категории как «браки», «смерть» в сознании русскоговорящих все еще остаются устойчивыми, и попытки семантического сдвига *адекватности* - *неадекватности* на основе этих категорий в русском языке редки, выразительны и необычны, в то время как в английском языке они становятся достаточно частотными.

Еще одним видом интенционального семантического сдвига, существующим и в английском, и в русском языках, но обладающим разной степенью экспрессивности, является перенос признака *лица* / *признака предмета/объекта*. Особенно ярко это проявляется, когда аттракторами выступают сентименты - название частой тела. В английском языке весьма частотны конструкции типа *a threatening eyebrow*, *a mocking hand*, где признак *лица* переносится на признак *части тела* этого лица, ср.:

Charlie raised a threatening eyebrow (E. Buchan) [28, с. 226].

That made her retreat a nervous step (M. Pargeter) [29, с. 170].

Частотность и стереотипность таких сочетаний в английском языке отмечается исследователями: Т.Р. Левинция и А.М. Фитерман называют перенесенные анитеты в таких сочетаниях графетранными [4, с. 150]; в русском языке подобные сочетания встречаются реже и представляются выразительными и яркими: *Небело навод у меня уже была эта девушка с бесконечными толстыми ногами* (Е. Колпа) [30, с. 298]; *Угасившая на Саху, простерла в его сторону **неадекватную** руку* (Н. Никитяевская) [31, с. 247]. Отметим, однако, что и в русском языке есть аналогичные клишированные сочетания типа *жадные руки*, *ласковые руки* и т.д., но они не столь распространены, как в английском языке.

Различия в частотности и экспрессивности рассматриваемых конструкций, на наш взгляд, можно опять-таки объяснить большей сдержанностью в проявлении эмоций, свойственной англоспосвященной культуре, воспринимающей эмоциональное поведение с «подозрением и смущением» [32, с. 41]. Как следствие, традиционно более сдержанным представляется англоспосвященное сообщество легче выразить эмоции в тексте не напрямую, а с помощью структур с кинематическими речениями, в результате чего в английском языке отмечается огромное количество структур со смешенными определениями, которые, в силу своей usualности, не могут рассматриваться как свежие грамматические метафоры. Выразительные сочетания на основе интенционального семантического сдвига, при котором происходит перенос признака, могут появляться, например, когда признак *лица* переносится на *предмет объекта*:

Miss Pimple Billmoria, the latest chili-and-spices bombshell ... offered up a spiteful farewell before an audience of sound recordists and electricians smoking their cynical beedis (S. Rushdie) [33, с. 12].

Дривля так яростно щипнула зажилкой, будто хотела поджечь себе нос. Прикурила, вздынула на Сою и тут же попустила сигарету – пепельница была уже полна таких злобных окурок (Е. Колпа) [34, с. 360].

В данном случае экспрессивность переноса признак лица → признак предмета/объекта обуславливается образной дистанцией эмоциональное состояние человека → конкретный неуловимый предмет, которая опять-таки сводится к универсальному семантическому рассогласованию событийность → предметность.

Рассмотрим еще два вида интенционального семантического сдвига невозможность обратного (пошагового) хода действия → обратимость действия и признак действия → категории состояния, которые являются примером следующего соотношения грамматических метафор в английском и русском языках:

4. **Интенциональный семантический сдвиг имеет место на основе категорий, присущих только данному языку.**

Примером грамматической метафоры, возникающей на основе категорий, присущих только данному языку, в английском языке является интенциональный семантический сдвиг невозможность обратного (пошагового) хода действия → обратимость действия. В его основе лежит отмеченная Уорфом категория «охват» – *covering, encompassing* для переходных глаголов: только некоторые глаголы с емой «охват», «ограничение» могут принимать приставку *un*, ср.: *uncover, unfasten, etc.* [35, с. 71]. Тем не менее, Стивен Кинг использует *uncreate* для создания комического эффекта:

Van der Valk, it turned out, was a fictional detective created – and then uncreated – by a writer named Nicolas Freeing (St. King) [36, с. 273].

Экспрессивным и емким представляется использование глагола *unshop* С. Кинселлой в ситуации, описывающей поведение расстроенных покупателей:

Unshopping? I look up with a giggle. 'What does that mean?' 'They're returning everything they've bought,' says Mum with satisfaction. 'Quite right, too. There was a whole line of them, beautifully dressed, all bringing back expensive things, still in their wrappers. All getting the money back on their gold cards. I dread to think how much it was all worth. One woman had three long dresses. Yves Saint what's it? Five thousand pounds each, apparently' (S. Kinsella) [37, с. 353].

Грамматическая метафора на основе этой категории может использоваться не только для создания комического эффекта, как в приведенных выше примерах, но и как выразительное средство создания драматического эффекта, ср.:

Unbreak my heart...

Unchry these tears... (Tony Brandon).

Использование глаголов *unshop, untry, create, etc.* с приставкой *un* является результатом интенционального сдвига невозможность обратного (пошагового) хода действия → обратимость действия. Действительно, действия, называемые глаголами *unshop, unfasten, etc.* предусматривают возможность хода действия в обратном направлении: можно заехать и развалить веревку, заворачивать и разворачивать во что-либо предметы и т.д., но процесс создания – *create* не может пойти в обратном направлении шаг за шагом, как допустить, процесс завязывания узла, обратное действие созидания – разрушение – *destroy* предполагает действие иного характера и иного алгоритма. Действие, обратное действию, называемому глаголом *shop* – покупать,

выражается глаголом *return* – возвращать и имеет совсем иной характер. Глагол *try* называет действие по сути необратимого характера, можно перестать плавать, но нельзя вернуть слышав над. Выражаемая интенциональным семантическим сдвигом способность повернуть назад необратимое действие может быть еще одним проявлением того, что, как уже говорилось, А. Вежбица называет такой ключевой чертой англоговорящего сообщества как восприятие мира как контролируемого человеком.

К числу собственно русских грамматических метафор, имеющих категорию интенциональный семантический сдвиг призна действия → категории состояния, относятся категории состояния в сочетании с дательным падежом, включая ограниченное число слов, называющих состояние человека: *Мне больно, мне страшно, мне весело, мне легко, мне плохо, мне скучно и т.д.* В последнее время в русском языке нередко является намеренное использование наречий, традиционно употребляемых с глаголами действия в функции обстоятельства образа действия, в функции именованного сказуемого по аналогии со случаями категории состояния. Эти структуры становятся настолько usualными, что используются даже в радиодифференцированных дискурсах современных либеральных радиостанций. В радиопередаче «Разговор» С. Доренко, в то время ведущий «Эхо Москвы», говорит: *Мне жалько иметь это (ФМСУ) (21.11.06)*. Использование наречия *жалько* в несвойственном ему контексте придает выражению экспрессивный оттенок и создает комический эффект: Тот же эффект возникает и в следующем примере, когда слушатель «Эхо Москвы» говорит ведущему: *Им бравада со мной общалась (22.11.06)*. Отметим, что намеренное использование подобных конструкций в русском языке иллюстрирует приведенный выше тезис А. Вежбицы о том, что в сознании русскоговорящих действительность воспринимается как неконтролируемая, неподдающаяся воле человека.

Итак, грамматическая метафора способна выражать этнокультурные особенности англоговорящего и русскоговорящего сообщества; кроме грамматической метафоры, зачастую возникающие на основе скрытых категорий языка, показывают еще один способ «обитывания» в языке, становясь основой интенционального семантического сдвига. Результаты анализа английских и русских примеров интенционального семантического сдвига не противоречат выводам А. Вежбицы о ключевой черте русскоговорящего и англоговорящего общества, проявляемых в языке. Несмотря на различное понимание возможности контролируемости событий в англоговорящем и русскоговорящем обществах, интенциональный сдвиг неконтролируемость → контролируемость и в английском, и в русском языке способен быть источником ярких грамматических метафор. Интенциональное использование категории *реальность* со такими понятиями как «брак», «национальность», «смерть» становится основой многих примеров в английском языке, но не в русском языке. Эмоциональность, в большей степени присущая русскоговорящему обществу с одной стороны, и своеобразие английского языка стремление избежать категоричности с другой стороны, проявляются в асимметрии интенционального семантического сдвига призна лица → признак части тела в английском и в русском языке. Присущий русскому языку интенциональный семантический сдвиг призна действия → категории состояния, приводит к появлению бесчисленных предложений, которые являются проявлением восприятия событий действительности как неконтролируемых человеком в сознании русскоговорящих. Случаи интенционального сдвига невозможность обратного (пошагового) хода действия → обратимость действия в английском языке, приводящие к появлению глаголов типа *unshop, uncreate, unshop*, может быть проявлением восприятия действительности как контролируемой человеком.

Библиографический список

1. Вежбица, А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М., 2001.
2. Кириева, Д.М. Метафорическое переосмысление концептосферы «HEAD» («ГОЛОВА») в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010.
3. Колпа, Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. – Барнаул, 2009.
4. Вежбица, А. Язык. Культура. Познание. пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. – М., 1997.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
6. Колосов, И.Ю. К вопросу о языковой картине мира и этноконтактах в грамматике // Современное лингвистическое образование: мир изучаемого языка: материалы международной научно-практич. конф. в 2 ч. – Барнаул, 2000. – Ч. 1.
7. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
8. Колпа, Л.А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. – Барнаул, 2009.
9. Масленникова, А.А. Особенности грамматической метафоры // А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова [и др.] Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А.В. Зелениной. – СПб., 2006.

10. Fowles J. *The Magus*. – New York, 1968.
11. Щербакowa, Г.Н. Отчаянная осень. Роман. Повести. Рассказы. – М., 1998.
12. Atwood M. *Lady Oracle*. – London, 2005.
13. Колпа, Е. *Дневник новой русской*. – СПб., 2005.
14. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. – М., 2009.
15. Масленникова, А.А. Особенности грамматической метафоры // А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова [и др.] *Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А.В. Зелениковой, А.А. Масленниковой*. – СПб., 2006.
16. Keyes M. *Further under the Duvel*. London, New York, Toronto, Dublin... Penguin Books.
17. Колпа, Е. *Дневник новой русской*. – СПб., 2005.
18. Urdike, J. *Marry Me!*. – Greenwich Connecticut, 1976.
19. Колпа, Е. *Мальчики да девочки*. – М., 2009.
20. Goldsmith, O. *Marrying Mom*. – New York, 2000.
21. Vinogradov, B.B. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. – М., 1972.
22. Neil, F. *The Secret Life of a Stummy Mummy*. – London, 2006.
23. King. *St. Needful Things*. – London, 2007.
24. Alern, C. *An Extract from the Book of Tomorrow // The Gift*. – London, 2009.
25. Gilbert, E. *Eat, Pray, Love*. Penguin Books. – New York, Toronto, London, Dublin, 2010.
26. Fielding, H. *Bridget Jones's Diary*. – London, 2001.
27. Колпа, Е. *Личное дело Кати К.* – М., 2009.
28. Buchan, E. *That Certain Age*. – London, 2004.
29. Pargiter, M. *At First Glance*. – London, 1982.
30. Левчикова, Т.Р. *Проблемы перевода / Т.Р. Левчикова, А.М. Филерман*. – М., 1976.
31. Колпа, Е. *Дневник новой русской*. – СПб., 2005.
32. Никитянская, Н. *Будь ты проклят, любовь моя*. – М., 2002.
33. Rushdie, S. *The Satanic Verses*. – London, New York, Victoria, 1988.
34. Колпа, Е. *Умница и красавица*. – СПб., 2006.
35. Whorf, B.L. *Language, Thought, and Reality*. – Cambridge, Massachusetts, 1972.
36. King, St. *Misery*. – London, 2007.
37. Kinsella, S. *Mini Shopaholic*. London-Toronto-Sydney-Auckland-Johannesburg. Bantam Press, 2010.

Bibliography

1. Vozhichkaya, A. *Ponimanie kultur cherez porjadstvo Mychevskih slov / per. s angl. A.A. Shmeleva*. – М., 2001.
2. Kireeva, D.M. *Metaforicheskoje pereosmišlenie konceptostereh <HEAD>«GOLOVA» v anglijskom i russkom yazykach: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* – Novosibirsk, 2010.
3. Kazova, L.A. *Ehtnokulturnij potencial grammatičeskogo stroja yazyka i ego realizacija v grammatike govoryaščego*. – Barnaul, 2009.
4. Vozhichkaya, A. *Yazyk. Kulturnoe poznanie: per. s angl. / dv. red. M.A. Krugauz*. – М., 1997.
5. Karakaj V.I. *Yazykovoj krug, lichenost, koncept, diskurs*. – Volgograd, 2002.
6. Kolezov, I.Yu. *K voprosu o yazykovoj kartine mira i ehtnokonnaciaci v grammatike // Sovremennoje lingvističeskoe obrazovanie: materialy mezhdunarodnogo nauchno-praktič. konf.: v 2 ch.* – Barnaul, 2000. – Ch. 1.
7. Tar-Minasova, S.G. *Yazyk i mezhdunarodnaja kommunikacija*. М., 2000.
8. Kazova, L.A. *Ehtnokulturnij potencial grammatičeskogo stroja yazyka i ego realizacija v grammatike govoryaščego*. – Barnaul, 2009.
9. Maslennikova, A.A. *Osobennosti grammatičeskogo metaforičeskogo stroja yazyka i ego realizacija v grammatike govoryaščego* // А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова [и др.] *Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А.В. Зелениковой, А.А. Масленниковой*. – СПб., 2006.
10. Fowles J. *The Magus*. – New York, 1968.
11. Щербакowa, Г.Н. *Отчаянная осень. Роман. Повести. Рассказы*. – М., 1998.
12. Atwood M. *Lady Oracle*. – London, 2005.
13. Kolpa, E. *Dnevnik novoj russkoj*. – SPb., 2005.
14. Arutyunova, N.D. *Predloženie i ego smysl: logiko-semantičeskije problemi*. – М., 2009.
15. Maslennikova, A.A. *Osobennosti grammatičeskogo metaforičeskogo stroja yazyka i ego realizacija v grammatike govoryaščego* // А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова [и др.] *Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А.В. Зелениковой, А.А. Масленниковой*. – СПб., 2006.
16. Keyes M. *Further under the Duvel*. London, New York, Toronto, Dublin... Penguin Books.
17. Kolpa, E. *Dnevnik novoj russkoj*. – SPb., 2005.
18. Urdike, J. *Marry Me!*. – Greenwich Connecticut, 1976.
19. Kolpa, E. *Malčiki da devočki*. – М., 2009.
20. Goldsmith, O. *Marrying Mom*. – New York, 2000.
21. Vinogradov, V.V. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. – М., 1972.
22. Neil, F. *The Secret Life of a Stummy Mummy*. – London, 2006.
23. King. *St. Needful Things*. – London, 2007.
24. Alern, C. *An Extract from the Book of Tomorrow // The Gift*. – London, 2009.
25. Gilbert, E. *Eat, Pray, Love*. Penguin Books. – New York, Toronto, London, Dublin, 2010.
26. Fielding, H. *Bridget Jones's Diary*. – London, 2001.
27. Kolpa, E. *Ličnoje delo Kati K.* – М., 2009.
28. Buchan, E. *That Certain Age*. – London, 2004.
29. Pargiter, M. *At First Glance*. – London, 1982.
30. Levčikova, T.R. *Problemy perevoda / T.R. Levčikova, A.M. Filerman*. – М., 1976.
31. Kolpa, E. *Dnevnik novoj russkoj*. – SPb., 2005.
32. Nikitjanskaja, N. *Bud' ty proklyat, ljubov' moja*. – М., 2002.
33. Rushdie, S. *The Satanic Verses*. – London, New York, Victoria, 1988.
34. Kolpa, E. *Umnica i krasavica*. – SPb., 2006.
35. Whorf, B.L. *Language, Thought, and Reality*. – Cambridge, Massachusetts, 1972.
36. King, St. *Misery*. – London, 2007.
37. Kinsella, S. *Mini Shopaholic*. London-Toronto-Sydney-Auckland-Johannesburg. Bantam Press, 2010.

Статья поступила в редакцию 12.03.12

УДК 81'23(075.8)

Rozhkova Y.M. **THE OFF-TEXT AS A FORM OF THE REALITY PRESENTATION IN A LITERARY TEXT**. In article the off-text as an important component of the informative aspect of the literary text is considered. The nature of the off-text information related to the background knowledge is determined; also the structural characteristics of the off-text are defined.

Key words: literary text, off-text, background knowledge, realia, real facts.